

УДК 655.28.022.1 (470.26+438)

И. О. Дементьев

ИДЕНТИЧНОСТЬ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ КАЛИНИНГРАДЦЕВ В ЗЕРКАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОЛЬСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

104

Дан обзор современных польских исследований, посвященных проблеме идентичности и коллективной памяти жителей современной Калининградской области РФ. Польские авторы анализируют формирование региональной идентичности калининградцев. Этот процесс тесно связан с метаморфозами коллективной памяти и политикой памяти. В фокусе внимания ученых – «дилеммы идентичности» калининградцев, коммеморативные конфликты между разными группами по поводу прошлого, стратегии «изобретения традиций». Исследование идентичности особых групп калининградцев (польской диаспоры, католиков) позволяет поставить под сомнение саму правомерность вопроса об идентичности калининградцев вообще. Опыт польских ученых показывает, что интерпретация прошлого и настоящего Калининградской области в многокультурном плане образует исследовательскую перспективу.

This paper is a review of recent Polish studies on identity and collective memory in the Kaliningrad region of the Russian Federation. Polish authors have analysed the development of Kaliningrad regional identity – a process closely related to collective memory changes and politics of memory. Scholars have explored the ‘identity dilemmas’ of Kaliningraders, commemorative conflicts between different groups about the past, and strategies for the ‘invention of traditions’. However, studies into the identity of certain groups of local residents (the Polish diaspora or Catholics) cast doubt on the very validity of the question about the identity of Kaliningraders. The experience of Polish scholars shows that the interpretation of the past and present of the Kaliningrad region in a multicultural perspective is a viable research area.

Ключевые слова: идентичность, Калининградская область, коллективная память, научные исследования, Польша.

Keywords: identity, Kaliningrad region, collective memory, research, Poland.

Интерес к калининградской тематике в польской науке давно приобрел устойчивый характер. В статье А. Жуковского и В. Котовича [1] охарактеризованы ведущие институции и приведена внушительная библиография 1990–2000-х гг., прежде всего в сфере политических наук (см. также обзор в статье Э. Романовской [6, S. 135–140]). В последнее десятилетие сохраняет популярность традиционный подход к

калининградской теме с акцентом на компаративном анализе. В фундаментальной монографии А. Саксона (Познанский университет) показаны основные противоречия в развитии российской Калининградской области, Варминьско-Мазурского воеводства в Польше, Клайпедского края в Литве [7; более поздние работы: 8–10]. Дисбаланс в развитии создает важный фон для приграничного сотрудничества, которое носило управляемый характер в советское время и приобрело новые формы после 1991 г. [2; 3].

Наряду с традиционными темами по международным отношениям, безопасности, демографии и экономической географии польские исследователи в последние годы также активно разрабатывают проблематику идентичности и связанной с ней коллективной памяти. Как правило, они не усматривают признаков кардинального отличия калининградцев от других россиян, хотя признают региональную специфику [15, s. 270; 16, s. 260]. К.П. Савицкий отмечает, например, что «в обществе не формируется новая “калининградская национальность”, но жители [области] ощущают свою особенность в рамках большой России» [11, s. 262].

Тем не менее по отношению к жителям области многие исследователи охотно применяют понятие «дилеммы идентичности» (*dylematy tożsamości*). Так называется, например, статья А. Саксона [9], таков же подзаголовок докторской диссертации М.Я. Зелиньского «Между философом и старостой», защищенной в 2017 г. в Университете социальных и гуманитарных наук в Варшаве [16]. Диссертант ставит цель представить многоаспектный образ коллективной идентичности калининградцев (в свете перемен, происходивших в ней после 1991 г.). Выделив четыре уровня идентификации (цивилизационный, национальный, региональный и локальный), Зелиньский приходит к выводу, что в Калининградской области доминирует национальная идентичность в смысле ощущения причастности к российскому государству (и в большей части – к русским в этнокультурном смысле). Одновременно обращает на себя внимание сильный региональный компонент. Среди калининградцев есть разные группы: одни, считая область неотъемлемой частью России, признают ее особенности, в том числе сочетание европейского наследия и российской культуры, включая православие; другие хотят видеть в области не только часть государства, но фрагмент более широкого русского мира, что побуждает их делать акцент на многовековых связях региона с российской историей и вести борьбу против дерусификации и десоветизации [16, s. 259].

Зелиньский выявляет факторы, влияющие на формирование идентичности калининградцев. К основным относятся единое информационное пространство; политика федеральных и региональных властей; культурная среда и отношение жителей к довоенному и советскому прошлому; «синдром эксклавности»; экономическое положение. К дополнительным – международная ситуация; приграничное сотрудничество; политика местных властей [16, s. 260–272]. В диссертации содержится подробный анализ роли различных акторов в процессе формирования идентичности калининградцев.

В отношении к прошлому, по мнению диссертанта, выделяются три категории жителей (их численность нуждается в исследовании): «прусофилы» («боруссиефилы») – часть интеллигенции и молодежи, включающая образы довоенного прошлого в структуру региональной идентичности («патрон» этой группы – И. Кант, символизирующий открытость и связь региона с европейской цивилизацией); «советофилы» («германофобы» или «боруссиефобы») – другая часть общества, к которой принадлежат и представители старшего поколения, и молодежь – те, кто поддерживает коммунистическую или националистическую идеологию («патрон» – М. И. Калинин); к третьей категории относятся те, кому не свойственна глубокая рефлексия о прошлом [16, s. 264]. Зелинский предлагает довольно странные номинации и не учитывает оттенки в отношении людей к прошлому. Почему, например, сторонник восстановления континуитета в истории еврейской общины Кёнигсберга – Калининграда должен быть аттестован либо как пруссофил, либо как пруссофоб? Уместно ли объединять в рамках одной категории носителей коммунистической идеологии и, скажем, православной веры? Автор сам выступает против редукции сложной картины региональной истории к простым дихотомиям [16, s. 166], но в этой типологии он все же допускает заметное упрощение.

Зелинский констатирует важность памяти о Великой Отечественной войне для калининградцев и усматривает в коммеморативных мероприятиях властей и гражданских институтов по ревизии памяти о событиях Первой мировой войны на территории Калининградской области признаки формирования новой синкретичной российской идентичности XXI в., восстанавливающей преемственность с дореволюционным имперским периодом [16, s. 265]. Исследователь критично настроен в отношении ностальгии по довоенному прошлому, в которой он видит проявление «разнонаправленной памяти», когда «плач по Кёнигсбергу», идеализированному в воображении части калининградцев, вызывает чувство вины, вступая в противоречие с тем фактом, что Кёнигсберг был разрушен в результате войны, развязанной нацистской Германией [16, s. 179–180, 266]. Многие калининградцы, отмечает автор, выражают искренние чувства по поводу Победы, которая обеспечила российскую принадлежность области [16, s. 61, 155]. Это отношение к Победе, однако, заметно контрастирует с тем, что советский период истории области практически не представлен в репрезентациях региона для туристов [16, s. 159]. По поводу названия города исследователь замечает, что «Калинина защищают не ради Калинина как такового, а потому, что он олицетворяет победоносный Советский Союз – кровь и пот красноармейцев, некоторые из которых еще живы», а их организации пользуются большим признанием, чем, например, организации членов семей жертв политических репрессий [16, s. 196].

Так или иначе, опыт четвертьвекового транзита после распада СССР говорит о том, что довоенное прошлое Восточной Пруссии стало органичной частью региональной истории в понимании калининградцев. Парадокс, отмеченный исследователем, состоит в том, что это

наблюдение справедливо для обеих групп — как для тех, кто стремится к усвоению этого наследия, так и для тех, кто видит в нем угрозу [16, s. 273]. Идентичность калининградцев, считает Зелинский, находит место как для «старост», так и для «философов», давая возможность интегрировать в региональной идентичности исторический опыт Восточной Пруссии, советской и постсоветской Калининградской области.

В тезаурусе современной науки прочно обосновалось понятие «места памяти», введенное Пьером Нора. Моника Вуйцик-Жолондек рассматривает названия городов (в первую очередь Кёнигсберга — Калининграда) как места памяти. Анализируя процесс переименования населенных пунктов в Калининградской области, она показывает, что этот процесс, всегда имеющий две цели (облегчить ориентацию и символически присвоить пространство), в советское время был направлен на формирование новой общности советских людей. После 1991 г. ситуация изменилась, и вопрос названий городов в новых контекстах приобрел неоднозначность. Вместе с тем в ходе эмпирического исследования (глубинные интервью взяты в Калининграде в 2009–2013 гг.) было выяснено, что большинство настроено против переименования Калининграда как по практическим соображениям (риски финансовых затрат), так и в силу опасений иного рода: респонденты опасались, что возвращение немецкого названия приведет к постановке вопроса о принадлежности региона. Есть разные мнения и о том, каким может быть новое название города. Предлагались и заведомо абсурдные варианты (Неандертальск — в честь неандертальцев, которые якобы были автохтонами на территории области), и компромиссные наименования, отражающие историческую специфику региона (Королевец, Кантоград и т. п.). По совокупности аргументов подавляющее большинство, выражая негативное отношение к персоне М. И. Калинина, склонялось к тому, чтобы сохранить название Калининград [15, s. 267–273].

П. Сегень избирает для анализа в категориях мест памяти и мест забвения два объекта в Калининграде: Центральную площадь и площадь Победы. Этими примерами Сегень иллюстрирует тезис о том, что в Калининграде одновременно действуют две коммеморативные стратегии — работа с довоенным прошлым и «изобретение традиции» (по Э. Хобсбауму) [12, s. 13]. Центральная площадь — «место утраты», причем двойной, поскольку в ландшафте сосуществуют отсутствующий в физическом смысле Кёнигсбергский замок и Дом Советов, который дезорганизует это пространство, одновременно символизируя утраченную коммунистическую идеологию. Фактический центр города, площадь Победы, — это пространство, репрезентирующее своей символикой другие памяти — советскую (победа над гитлеровской Германией) и русскую (Православная церковь) [12, s. 17]. Для Сегень соприсутствие двух площадей в пространстве города выступает симптомом конфликта идентичностей и отсутствия определенной политики памяти. Эта мысль исследовательницы, однако, вызывает возражения: во-первых, политика памяти не обязательно должна редуцироваться до единственной стратегии (как это было в советский период); во-вторых,

оппозиция двух символических рядов не дихотомична. Городские центры в постсоветской России — это прежде всего пространства, обеспечивающие адаптацию индивидов к глобальной рыночной экономике, и торговые центры, построенные на площади Победы и через дорогу от Центральной площади, можно трактовать как воплощение идеи триумфа капитализма, снижающее в некоторой степени остроту противопоставления разных фигур памяти.

Создается впечатление, что не все исследователи понимают идентичность калининградцев как идеально-типическую конструкцию. Однако постановка вопроса о калининградцах вообще, как любая генерализация, вызывает сомнения, если игнорировать многообразие идентичностей в любом обществе. Тем более интересными выглядят работы, авторы которых пытаются изучать других калининградцев. Кшиштоф Женгота в значительной по объему монографии «Польская диаспора в Калининградской области Российской Федерации» (2014, на основе диссертации 2011 г.) представил комплексное исследование польской общины в российском эксклаве. По данным переписи 2010 г., ее численность составляет 2,8 тыс. человек [17, с. 110], однако Женгота сомневается в достоверности этой картины: респонденты в опросах такого рода имеют склонность отождествлять себя с титульной нацией, а в годы СССР национальную принадлежность замещала категория «советского человека», и результаты этой политики ощущаются до сих пор. Сопоставляя разные данные и отдавая себе отчет в сложности верификации этих данных, автор оценивает численность диаспоры между 3,9 тыс. и 12–20 тыс. человек (лиц польского происхождения) [17, с. 119].

К. Женгота характеризует организации поляков, их экономическую и политическую активность, культурную жизнь диаспоры и деятельность Римско-католической церкви (к которой также принадлежат литовцы, белорусы и др.) в эксклаве. Подчеркивается лояльность поляков, чья политическая активность осуществляется строго в рамках гражданской лояльности российскому государству [17, с. 146]. Обсуждаются контакты польской общины с официальными властями Республики Польша, деятельность некоммерческих организаций, жизнь диаспоры на фоне других этнокультурных групп, политика калининградских властей в отношении поляков, участие последних в приграничном сотрудничестве.

В монографии приведены результаты анкетирования представителей польской диаспоры. Поляками (с разными оговорками) себя считают 30 %, тогда как 33 % — россиянами польского происхождения, 7 % — полуполяками-полуроссиянами; к Римско-католической церкви принадлежат 79 % опрошенных, к православным себя причисляют 12 % [17, с. 278, 282]. Значительным оказалось число лиц, чья идентичность находится в пограничном состоянии между польской и российской. Факторами укрепления польскости выступают польский язык, традиции, принадлежность к Костелу [17, с. 291]. К. Женгота обнаруживает, что какой-либо дискриминации, вытекающей из польского происхождения, не ощущается (91 %); отношение властей оценивается преиму-

щественно как позитивное или нейтральное (85 %) [17, с. 307, 311]. Причины этого, по его мнению, заключаются в прагматизме властей, не отдающих предпочтений тому или иному меньшинству, а также в отсутствии претензий малочисленной группы на активную политическую роль. Польская диаспора описывается как интегральная часть калининградского социума — это политически лояльные граждане, удовлетворенные качеством и стандартами своей жизни.

Подтвердилась исследовательская гипотеза о том, что наиболее позитивное влияние на активность поляков оказывают такие факторы, как общественно-политическая специфика этого субъекта РФ, характер организационных структур диаспоры, деятельность Костела и Генконсульства Польши. К. Женгота определяет дальнейшие проблемы для изучения: изменения в политике польских властей по оказанию помощи соотечественникам на «Востоке»; роль диаспоры в процессе репатриации; влияние выбора стратегии общественного и экономического развития эксклава на положение нацменьшинств. Польская диаспора могла бы играть более активную роль в развитии российско-польских отношений на местном и региональном уровне. Для этого общине пока недостает лидеров; активизацию ее роли затрудняют и внешние обстоятельства, включая специфический режим функционирования НКО и непростые отношения между Россией и Польшей. Тем не менее ряд позитивных примеров приграничного сотрудничества оставляет надежду на улучшение международных отношений. Фундированная монография К. Женготы отвечает высоким академическим стандартам, содержит колоссальный фактический материал и, что особенно важно, расширяет представление о том, каковы «дилеммы идентичности калининградцев». Члены польской диаспоры в самой западной российской области — это тоже калининградцы, и анализ процесса формирования их идентичности делает картину жизни регионального социума более разнообразной.

Историей «других калининградцев» занят и ксендз Е. Стецкевич, который рассматривает историю Католической церкви в Калининградской области, выделяя три периода: 1945—1950, 1950—1991 и 1991—2009 гг. (монография 2013 г. на основе докторской диссертации 2011 г.). На первый этап приходится деятельность общин, состоявших из немцев до их депортации (то есть де-факто до начала 1948 г.) [13, с. 209]. На втором в условиях почти тотальной атеизации региона религиозная жизнь замерла. Несмотря на отсутствие архивных данных, автор, опираясь на устные свидетельства, устанавливает, что факты приезда католических духовных лиц из Литвы, Латвии, Белоруссии и даже Казахстана в 1950—1970-х гг. были не такими уж редкими [13, с. 256]. Поскольку среди советских переселенцев насчитывалось немало католиков, подпольная религиозная жизнь была, несомненно, активнее, чем об этом позволяют судить источники. После 1991 г. католические приходы в области действуют легально, поэтому Стецкевич анализирует российское законодательство, регулирующее деятельность религиозных организаций.

Исследователь собрал разнообразные данные об истории католиков в Калининградской области, дополнив нарратив характеристикой их отношений с властями и с епархией Русской православной церкви Московского патриархата. По Стецкевичу, в Калининградской области история католической церкви имеет специфику по сравнению с другими российскими регионами, однако в целом везде в СССР произошло ослабление национальной самоидентификации «советских людей» (аналогичный тезис звучит в работе К. Женготы). Это обстоятельство обусловило повышенную роль религиозной принадлежности не только для поляков, традиционно отождествляемых с прихожанами Римско-католической церкви в России, но и для белорусов и украинцев, которые могут быть православными или католиками [13, s. 390]. Монография Стецкевича помогает определить других калининградцев, у которых причудливо пересекаются национальная и конфессиональная идентичности.

Современные польские исследователи Калининградской области продолжают тяготеть к эмпирическим исследованиям, однако заметен также рост роли веб-ресурсов как источников информации. Это относится и к электронным массмедиа, и к официальным сайтам госорганов, и к публикациям в социальных сетях. По-прежнему залогом продуктивности исследования выступает междисциплинарный подход. В исследовании калининградской тематики социальные науки сближаются с гуманитарными, что способствует выявлению разных сторон прошлого этого региона. Так, Б. Калемба в статье «“Кёнигсбергский текст” в диалоге: “Открытка из города К.” Иосифа Бродского и “Новая открытка из города К.” Томаса Венцловы» реконструирует поэтический диалог об отношениях человека, культуры и истории [4]. Эта реконструкция возвращает читателя к той же проблематике, что и исследования социологов и политологов: «...в ситуации угрозы уничтожения культура всегда является высшей ценностью, и именно поэтому, помимо прочего, она является источником и вопросом идентичности человека» — как личности и как представителя сообщества [4, s. 162].

В польских *memory studies* все больший вес приобретает подход, который с конца 1980-х гг. продвигает культурное общество «Боруссия» в Ольштыне. Он предлагает вместо риторики «утраты» и «возвращения» сконцентрироваться на понятии «культурной преемственности», на факте разнообразия культур, характерного, в частности, для территории бывшей Восточной Пруссии. Подобный подход не представляет угрозы для национальной культуры, а наоборот, обогащает ее носителей за счет диалога с другими культурами. Так трактуют работу с прошлым те авторы, которые инициировали исследовательский проект польско-немецких мест памяти [14, s. 680–681]. Перспективы приграничного сотрудничества в этом регионе, по мнению других ученых, также связаны с мультикультурализмом [5, p. 248]. Изучение общей истории под таким углом зрения снижает конфликтогенность, обу-

словленную противоречиями в политике памяти. Возможно, со временем эта перспектива сможет объединить в творческом сотрудничестве российских исследователей и их польских коллег.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Калининградской области в рамках научного проекта № 19-49-390003.

Список литературы

1. Жуковский А., Котович В. Калининградская область в польских исследованиях // Балтийский регион. 2011. №2 (8). С. 127–138.
2. Hojszyk W. Dzieje Kaliningradu i jego mieszkańców widziane z Olsztyna // Königsberg – Królewiec – Kaliningrad: dziedzictwo historyczne / red. K. Jarosz. Węgorzewo, 2013. S. 68–72.
3. Jarosz K. Współczesne ślady polskości w krajobrazie historycznym obwodu kaliningradzkiego // Ibid. S. 73–85.
4. Kałęba B. "Tekst królewiecki" w dialogu: "Pocztówka z miasta K." Josifa Brodskiego i "Nowa pocztówka z miasta K" Tomasa Venclovy // Przekładaniec: pismo poświęcone przekładom i nie tylko. 2015. № 30. S. 152–165.
5. Lewandowska I. Warmia and Masuria – Kaliningrad oblast – Klaipėda region. Three instead of one (East Prussia) // Region and Regionalism. Łódź ; Opole, 2009. № 9, vol. 1 : Historical regions divided by the borders. General problems and regional issue. P. 241–248.
6. Romanowska E. Das Kaliningrader Gebiet aus der Perspektive Polens. Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft // Kaliningrad in Europa. Nachbarschaftliche Perspektiven nach dem Ende des Kalten Krieges / hrsg. von S. Berger. Wiesbaden, 2010. S. 122–146.
7. Sakson A. Od Kłajpedy do Olsztyna. Współcześni mieszkańcy byłych Prus Wschodnich: Kraj Kłajpedzki, Obwód Kaliningradzki, Warmia i Mazury. Poznań, 2011.
8. Sakson A. Ostpreussen – eine geteilte Region im Bewusstsein der heutigen Litauer, Russen und Polen // Regionen des Östlichen Europas im 20. Jahrhundert. München, 2013. S. 253–270.
9. Sakson A. Dylematy tożsamości współczesnych mieszkańców Obwodu Kaliningradzkiego // Kaszubi, Pomorze, Gdańsk: w kręgu pytań o kulturę, historię i tożsamość : księga jubileuszowa profesora Józefa Borzyszkowskiego z okazji 70. rocznicy urodzin / red. K. Lewalski et al. Gdańsk, 2016. S. 513–523.
10. Sakson A. Dziedzictwo Prus Wschodnich. Socjologiczne i historyczne studia o regionie. Olsztyn, 2017.
11. Sawicki K. P. Imigranci w Obwodzie Kaliningradzkim Federacji Rosyjskiej po 1990 r. // Studia Gdanskie Wizje i rzeczywistość. 2013. T. 10. S. 251–266.
12. Siegień P. Königsberg i Kaliningrad – między pamięcią, utratą i zapomnieniem // Problemy rozwoju miast. 2016. Vol. 13, №2. S. 13–18.
13. Steckiewicz J. Kościół katolicki w obwodzie Kaliningradzkim w latach 1945–2009. Kraków, 2013.
14. Traba R., Żytyniec R. Ziemie Odzyskane / utracony Heimat // Polsko-niemieckie miejsca pamięci / red. R. Traba, H.H. Hahn. Warszawa, 2015. T. 1 : Wspólne / Oddzielne. S. 660–682.
15. Wójcik-Żołądek M. Od Königsberga do Kaliningradu. Nazwy miast jako miejsca pamięci // Przegląd zachodni. 2014. Z. 2. S. 254–273.

16. *Zieliński M.J.* Między filozofem a starostą. Dylematy tożsamości regionalnej obwodu kaliningradzkiego i jego mieszkańców po 1991 roku : rozprawa doktorska. Warszawa, 2017.

17. *Żęgota K.* Diaspora polska w Obwodzie Kaliningradzkim Federacji Rosyjskiej. Toruń, 2014.

Об авторе

Илья Олегович Дементьев — канд. ист. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

Email: IDementev@kantiana.ru

The author

Dr Ilya O. Dementev, Associate Professor, I. Kant Baltic Federal University.

Email: IDementev@kantiana.ru